

Глава 25. Область Цянькунь

Восточный Древесный континент. Секта Хуаньюнь.

Пройдя через густой зелёный бамбуковый лес, маленький послушник с лекарственным флаконом в руках торопливо пересёк тихую дорожку, вымощенную галькой.

На нём была белая одежда с вышитыми у ворота и манжет лазурными облачными узорами. Стежки были такими тонкими, что под светом по ним пробежал едва заметный серебристый блеск.

Именно такую повседневную одежду носили в Хуаньюне — сильнейшей лекарской секте во всём Люхэ.

Мальчик быстро вошёл в изящный внутренний двор, где за столом в это время сидели друг напротив друга двое.

Слева, весь собранный, в тёмно-зелёном даосском одеянии сидел глава школы Лянъи, даосский святой Янь Цунси. Напротив, в белом, с полураспущенными волосами, перехваченными нефритовой шпилькой, сидел приглашённый старейшина Лянъи, а заодно владыка области Цянькунь Центрального Земного континента — святой даосского пути Цзян Чаньюань.

— Глава Янь, почтенный Цзян, — послушник почтительно поклонился у входа и только потом вошёл с флаконом в руках. — Наставник велел ещё десять дней тщательно наносить это лекарство. А эти два пузырька с пилюлями от яда нужно пить по одной в день, чтобы вывести остаточный яд. Когда плоть окончательно нарастёт, яд тоже исчезнет.

Пока мальчик говорил, Янь Цунси уже с досадой поднял руку:

— Сначала помоги мне сменить лекарство.

В тот день он не успел среагировать и яд разъел ему почти половину руки. Если бы глава Хуаньюня лично не занялся выведением яда, восстановлением сухожилий и наращиванием кости с плотью, то, чтобы спасти жизнь, заражённую левую руку ему, скорее всего, пришлось бы отрубить.

Цзян Чаньюань тоже отравился ядом из крови Фу Линцзюня, но среагировал мгновенно и к тому же его культивация была выше, чем у Янь Цунси, поэтому пострадала только половина ладони. По сравнению с Янь Цунси его состояние было несравнимо легче.

Янь Цунси поднял широкий рукав. Вся рука у него была туго перетянута белыми бинтами. Послушник аккуратно, слой за слоем, размотал ткань, обнажив ещё не зажившее предплечье — сплошное месиво из крови и плоти.

Под действием лекарства плоть прямо на глазах понемногу зарастала, будто шевелилась. Любой другой, увидев такое, наверное, лишился бы чувств, но мальчик и бровью не повёл. Видно было, что ему подобное давно не в новинку, и потому он очень тщательно продолжил накладывать мазь.

— Вот честно, просто сил моих нет. Раньше ведь никто и словом не обмолвился, что у него припасён ещё и такой подлый приём. Из-за него я теперь уже сколько дней мучаюсь, — Янь Цунси другой, здоровой рукой потёр висок и обернулся к Цзян Чаньюаню. — Как ты думаешь, каким образом он вообще сумел смешать яд с громовым огнём? Ты видел, как он его подмешал?

Цзян Чаньюань, тоже получивший рану, выглядел куда спокойнее. Более того, здоровой рукой он ещё и налил себе чашку чая, поднёс к носу, вдохнул аромат листьев и только потом сделал глоток.

— Он не подмешивал яд, — сказал Цзян Чаньюань. — Яд был в его крови.

Услышав это, Янь Цунси сразу вспомнил, как в тот день у Фу Линцзюня трескалась кожа и всё его тело было залито кровью.

Ливень, кровь, громовой огонь.

Вода смешалась с кровью, затем сквозь неё прошёл громовой огонь — и стало ясно, что в каждой атаке Фу Шэна был яд. Просто поначалу они этого не заметили.

Лицо у Янь Цунси потемнело.

— И что это вообще за яд такой, если он до такого разъедает? Я и раньше слышал, что у него с рождения особое телосложение, потому он и пошёл по злему пути, а в семнадцать лет сошёл с ума и вырезал родных с друзьями. Но теперь-то я сам на своей шкуре испытал: телосложение у него и правда чертовски извращённое. Ходячий ядовитый человек.

Стоило Янь Цунси вспомнить о делах, которые из-за этой раны навалились и теперь лежали мёртвым грузом, как у него сразу закружилась голова от раздражения. Он мотнул подбородком в сторону своей руки и спросил у мальчика:

— А я могу просто забрать мазь и сам накладывать?

Послушник немного замялся:

— Глава Янь, эту мазь нужно наносить очень строго по дозировке... если положить слишком много, плоть начнёт расти слишком быстро, и тогда вся прежняя основа может пойти прахом. Вам лучше всё-таки остаться в Хуаньюне ещё на несколько дней.

Красивые янтарные глаза Цзян Чаньюаня скользнули к Янь Цунси, и в них мелькнула редкая для него забота:

— Что, у тебя там какие-то дела?

— Да всё из-за этого моего никчёмного... — Янь Цунси по привычке уже собирался начать жаловаться Цзян Чаньюаню на свою упрямую сестру, которая вздумала выйти за парня из дома Е при усадьбе Фуфэн, а потом ещё и родила от него племянника, что оказался ещё упрямее.

Едва Янь Цунси получил рану, как от сестры тут же пришла весть, что мальчишка явился в Лянъи, а сам он из-за травмы не может вернуться. А следом полетели новости о том, что этот мелкий бесёнок уже носится по Лянъи, сеет хаос, дёргает котов, пристаёт к собакам и каждый день по-новому изводит старейшин. Если он сам не вернётся, скоро там вообще не останется никого, кто смог бы с ним справиться.

Но здесь был не Лянъи, а Хуаньюнь, да и напротив сидел посторонний человек. Такие домашние подробности, которые явно портили бы величественный образ главы Лянъи, тут лучше было не выкладывать.

Янь Цунси облизнул губы и проглотил оставшуюся половину фразы. Потом, наполовину в шутку, обратился к мальчику:

— Раз уж эту мазь надо так строго дозировать, то всё просто. Когда вернётся ваш глава, я попрошу его отдать мне тебя, и ты поедешь со мной в Лянъи на несколько дней вместе с лекарствами.

Послушник: «...»

Он ведь не нарочно пришёл подслушивать чужие семейные драмы. С каменным лицом мальчик опустил голову и продолжил накладывать мазь.

Двое уважаемых гостей из Лянъи то перебрасывались парой слов, то снова замолкали, как вдруг оба одновременно почувствовали, как взрывается оставленная ими когда-то на Северном Водном континенте крошечная нить божественного сознания. Разрыв случился слишком внезапно, никто не успел приготовиться, и от этого резкого удара их души на миг сильно качнуло. Только потом, через мутную боль, до них дошло: это была та самая частичка сознания, что они оставили в печати, когда когда-то запечатывали Фу Линцзюня.

— Фу Шэн сбежал?! — голос Янь Цунси подскочил на добрую октаву. Если бы послушник вовремя не прижал его к плечу, ту руку, которую с таким трудом удалось спасти, сейчас, чего доброго, пришлось бы лечить заново. На лице у него смешались потрясение и растерянность.
— Да как он вообще мог? Мы же ставили ту печать вместе, нас было несколько...

И тут же резко замолчал.

Если бы речь шла о ком-то другом, ему, возможно, и за всю жизнь не догнать бы их уровень и уж тем более не разорвать печать. Но Фу Шэн был вторым в Люхэ прирождённым высшим. Скорость его культивации была пугающей. Даже они, те, кто сами с детства считались лучшими среди гениев и в итоге поднялись до уровня святых, всё равно не могли с ним сравниться.

Сто лет — мастер Дао. Тысяча лет — бессмертный Дао. Десять тысяч лет — святой Дао.

Когда с ним случилась беда, он только-только перешагнул в сферу бессмертного Дао, но уже в последующей охоте один за другим сумел зарубить двух святых Дао ступени Восхождения Духа, уже давно прославившихся в мире.

Громовой огонь был до крайности коварен, сам Фу Шэн двигался неуловимо быстро. Каждый раз он появлялся будто призрак, забирал жизни одной группы за другой, а потом так же ловко уходил. Если бы Сун Юнчжэн не заманил его в ловушку и остальные святые не вышли вместе запечатать его в долине Тяньбэй, то все эти тысячи лет им бы так и не было покоя.

Но теперь Фу Шэн сбежал.

Пальцы Цзян Чаньюаня, красивые и тонкие, медленно скользили по краю чашки, раз за разом обводя круг. Он негромко проговорил:

— Куда он пойдёт?

— Куда ещё он может пойти?! — Янь Цунси был ошарашен. — Цзэян уже сравняли с землёй, чего ему ещё не хватает? Неужели он собирается теперь прийти и за нами? Что правильно, а что нет — видно и без него. Он бедствие для всего живого, и оставлять его в живых изначально было нельзя!

Мальчик, который всё это время молча менял повязку, неожиданно стал свидетелем сплетни куда ценнее любой личной драмы главы Лянъи. И в голове у него крутилась только одна мысль: всё кончено. Небо вот-вот перевернётся.

У Фу Линцзюня, впрочем, оставалось ещё много причин быть недовольным.

Когда Цзян Чаньюань, раненный меньше, чем Янь Цунси, добрался до дворца Гуанлин, печати снаружи долины Тяньбэй уже и след простыл — она рассыпалась в прах и исчезла без остатка. А вместо неё теперь стояла новая печать. Оставленная самим Фу Линцзюнем.

Наглый бледно-фиолетовый громовой огонь плотно окутывал всю долину Тяньбэй. Когда-то они заперли его именно так, а теперь он точно так же запирал уже их. Да ещё и с такой

демонстративной прямою, будто нарочно хотел, чтобы каждый с первого взгляда понял: это огонь Фу Шэна. Стоило только приблизиться, как во все стороны вспыхивали молнии, в точности как тот громовой огонь, что тогда, под дождём, впивался в плоть и не отставал.

Цзян Чаньюаню почти живо виделась картина: Фу Линцзюнь стоит перед ним, уперев руки в бока, скалится, язвит, хвастается своей выходкой, а в следующий миг снова исчезает без следа.

Цзян Тан, который вместе с большим боссом вышел наружу, сначала думал, что всё пойдёт по старой схеме: Фу Линцзюнь выберет очередной объект мести, заявится к врагам, разнесёт всё в клочья и уйдёт. Но оказалось, что на этот раз у него и в мыслях не было никого громить. Едва они покинули долину Тяньбэй, как он тут же замаскировал и себя, и всех остальных.

Сначала — самого себя. Та демонически красивая внешность каким-то непонятным способом превратилась в совершенно обычное лицо молодого мужчины. Самое неприметное, самое безобидное, из тех, что затеряются в толпе и через миг забудутся.

Потом настала очередь Сян Сина.

Фу Линцзюнь забрал у здоровяка грубые чёрные цепи, волочившиеся за ним по земле, и тоже изменил ему лицо, сделав обычным. Более того, в глазах Цзян Тана здоровяк даже как будто уменьшился. Он уже не выглядел таким чудовищно высоким и пугающе широким, а стал куда ближе к нормальному человеку.

Не забыли и про самого Цзян Тана.

Зверёк размером с ладонь, с мягкими ушами и хвостом-облаком, успешно превратился в маленькую белую собачку. Теперь, мотая головой, Цзян Тан больше не видел своих милых ушек, не мог использовать пышный хвост как пушистую ладонь и с размаху шлёпать им когонибудь по лицу. От этого ему было немного грустно и совсем непривычно.

И да. После этого он ещё меньше хотел открывать рот, потому что изо рта теперь вырывалось только щенячье «тяв-тяв», что больно било по его самооценке как уникального благого зверя. Раньше он всё-таки был хоть и маленьким, но очень статусным существом. А теперь — просто собака.

Собачка прослезилась и грустно принялась вылизывать шерсть.

Кроме изменения лиц, Фу Линцзюнь ещё и достал из синей бусины, висевшей у него на поясе на кисточке, два комплекта одежды. Если Цзян Тан ничего не путал, эта синяя штука называлась жемчужиной Нахай — дорожкой игрушкой, доступной только состоятельным культиваторам, тут особенно подчеркнём: состоятельным. Бедняки обычно таскали всё своё добро с собой на спине, куда бы ни шли. Те, у кого было немного лишних денег, могли купить себе мешок Цянькунь. Мешки Цянькунь делились на низший, средний и высший разряд, и чем выше был класс, тем больше в него помещалось.

Но жемчужина Нахай превосходила даже высший мешок Цянькунь в одном очень важном отношении: в ней можно было хранить живых существ. Она сама циркулировала в себе духовную энергию неба и земли, поэтому даже если запереть там живое, оно не погибало.

Фу Линцзюнь по-прежнему остался во всём чёрном, но ткань теперь выглядела намного проще. Раньше его чёрный халат был покрыт таинственными узорами, которые слегка переливались на свету. Под луной эти узоры будто мерцали сами собой, и весь его облик был величественным, дорогим и полностью соответствовал статусу большого злодея. Теперь же всё это исчезло.

Сян Син, который прежде без малейшего смущения щеголял голым торсом и роскошной мускулатурой, теперь был вынужден втиснуться в тёмно-зелёную удобную одежду. Судя по всему, он к ней не привык. То дёргал рукав, то ёрзал плечами, то всё время пытался найти себе более удобную позу. Выглядело это не слишком достойно, а местами даже подозрительно.

Отряд злодеев ещё даже толком не вышел на сцену, а уже как-то потерял в пафосе.

Но очень скоро Цзян Тан понял, зачем вообще понадобились все эти переодевания.

Фу Линцзюнь повёл своего питомца и слугу на юг. Через массивы переноса восьми духовных областей Северного Водного континента они добрались до области Цянькунь на Центральном Земном континенте.

«Дао в заточении» был романом с огромной картой. Главный герой рос, переходя с одной локации на другую, и за две тысячи глав ни одна из них толком не повторялась.

Говорили, что когда-то существовал всего один материк. Но потом мир поразил дракон-демон. Культиваторы долго сражались с ним, горы рушились, земля разверзалась.

Старый материк ушёл под воду, море разлилось шире и разделило его на пять частей, как раз по пяти стихиям: Восточный Древесный, Западный Металлический, Северный Водный, Южный Огненный и Центральный Земной континенты.

И дворец Гуанлин, и резиденция Цзэян находились на Северном Водном континенте.

После того как материк раскололся, море между континентами стало почти непроходимым: туман, штормы, бесчисленные чудовища. Потому в местах с самой сильной духовной энергией на каждом континенте постепенно сформировались духовные области. Через великие массивы этих областей стало возможно быстро перемещаться с одного континента на другой.

Вот, например, Янь Цунси и Цзян Чаньюань, на которых Фу Линцзюнь наткнулся в Цзэяне, оба были святыми Дао из школы Лянъи на Центральном Земном континенте. Без духовных областей они просто не успели бы прийти на помощь Сун Юнчжэну.

У каждой духовной области был свой хозяин. Или, если говорить точнее, властитель-подавитель.

Поскольку духовные области изобиловали духовной энергией, сокровищами неба и земли, редкими материалами, они с древности притягивали к себе несметное количество зверей, духов и нечисти. Мелкие духовные области ещё ладно: паре захудалых школ или бессмертных родов хватало сил подавить их и открыть там свою вотчину. Тогда их хозяина и называли властителем области, или просто владыкой.

А вот старый знакомый Цзян Чаньюань как раз и был владыкой одной из пяти крупнейших духовных областей Люхэ — области Цянькунь Центрального Земного континента.

Цзян Тан чувствовал беспокойство. Раньше, когда Фу Линцзюнь сталкивался с Цзян Чаньюанем, ничем хорошим это для него не заканчивалось. А теперь они ещё и, сменив облик, лезут прямо на чужую территорию. Разве это не ещё хуже? Разве без преимущества своей территории он не окажется в ещё более невыгодном положении?

Но его беспокойство прожило меньше половины дня. Очень скоро его полностью смыло потоком новых впечатлений.

Узор области Цянькунь представлял собой чёрно-белый круг Инь и Ян, похожий на тайцзи. Пройдя через маленький мирской городок и затем через пустошь, служившую всего лишь маскировкой, они наконец приблизились к самому людному месту Центрального Земного континента — скрытому городу культиваторов.

В духовной области улицы почти не отличались от обычных городских. Люди шли туда-сюда, толкались, переговаривались, вокруг кипела жизнь.

— Рисовые лепёшки! Только что из пароварки!

Огромная бамбуковая пароварка раскрылась, оттуда вырвался густой белый пар, а вслед за ним показались круглые мягкие лепёшки — пухлые, белые, пахнущие сладко и чуть молочно.

— Настоящие пилюли чистого сердца из секты Хуаньюнь! Если подделка — верну вдесятеро! Эй, даосская подруга, не хотите взять про запас?

У явно мутной лавочки сидел усатый старый даос. Он поглаживал длинные усы, улыбался так ласково, будто был воплощением доброты, а сам глазами-радаром сканировал проходящих мимо культиваторов. Стоило ему заметить кого-нибудь помоложе и понеопытнее, как он тут же прилипал с разговором. А тонкокожий новичок, не умеющий отказываться, постепенно втягивался в беседу и незаметно для себя покупал пару пузырьков очень посредственных пилюль.

На уличных лотках продавали всё на свете: от типичных для мира культивации духовных трав, артефактов, внутренних ядер, когтей, чешуи, духовных ядер зверей и непонятно кем сваренных пилюль до вполне мирских вещей вроде ароматных саше, фонариков, засахаренных фруктов, сахарных фигурок и даже румян с пудрой.

Цзян Тан высунул из рук Фу Линцзюня собачью голову и с огромным интересом уставился по сторонам.

Да ладно! Если не смотреть на спешащих мимо культиваторов, всё это и правда ничем не отличалось от обычного мира. Да уж, где бы ты ни оказался, торговцы везде одинаковые: продадут что угодно и наговорят любую чушь.

Издали донёсся запах мяса.

У белой собачки тут же встали торчком уши, а розовый нос потянулся к аромату.

— У-и-и...

Мясо! Это же мясо! Он хочет мяса!

Комочек в руках тут же принялся лихорадочно дрыгать всеми четырьмя лапами и изо всех сил цепляться за одежду Фу Линцзюня.

Сян Син шёл позади на полшага. Услышав знакомое нытьё белой собачки, он глухо пояснил:

— Сяо Бай. Любит. Мясо.

Красивая большая ладонь мгновенно накрыла беспокойного щенка.

Фу Линцзюнь, скрытый под совершенно обычным лицом, всё равно сохранял на нём привычное холодное выражение. Спустя некоторое время он всё же повернул туда, откуда доносился мясной запах.

Возле лотка стояли два столика. Двое культиваторов только что закончили есть и ушли, на столе остались жирные пятна, которые ещё не успели стереть. Фу Линцзюнь застыл рядом, как ледяная статуя, и уже, казалось, готов был развернуться и уйти. Если бы не пушистый комочек у него на груди, который канючил всё громче, он и правда не стал бы задерживаться здесь ни на миг.

Хозяин лотка как раз освободился, заметил нового клиента, в пару движений вытер стол и тут же радостно заговорил:

— На двоих? Садитесь вот за этот стол. Что будете брать?

Фу Линцзюнь нехотя всё-таки сел и вынул пушистого комочка из-за пазухи, опуская его на стол.

— На одного.

Примечание автора:

Фу Шэн: если бы не жена, я бы вообще не сел.

<http://bllate.org/book/17032/1601812>